

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 157
(2518)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья Г. Иванкиной «Шик и жестокость Галантного века», опубликованная на сайте «Завтра», 15.12.2024 г.

URL: https://zavtra.ru/blogs/shik_i_zhestokost_galantnogo_veka

Вологда
декабрь 2024

Шик и жестокость Галантного века

«Наследие Петра Великого и дворцовые перевороты» в Музеях Московского Кремля

«Плащ и кинжал! Раскрытое письмо и замочная скважина...»

Валентин Пикуль «Пером и шпагой»

Галантный век – пудренные локоны, широкие фижмы и осиные талии. Кружева и капризы, игра в любовь, интриги фавориток, верёвочные лестницы, будуарное вольтерьянство, прусская военщина и английский промышленный шпионаж. Чем заняты? Просаживали в карты целые состояния, танцевали на балах и писали трактаты по философии, а ещё воевали, не забыв надеть раззолоченные мундиры. Сплошной авантюрный роман!

По факту же это было интереснейшее время – ломка стереотипов и границ, научные прорывы, географические открытия. «Столетье безумно и мудро...» - так охарактеризовал современность Александр Радищев. Ему вторил Пьер Карон де Бомарше: «Здесь смешался глас рассудка с блеском лёгкой болтовни». Эра просвещения и флирта, ветрености и маниакальной воли к власти. Россия мчалась на всех парах. Жизнь была ключом, а иной раз – по голове. Тут и «дамское» правление – череда цариц разной степени одарённости, и фейерверки по любому поводу, и битвы за передел мира, и физика с лирикой.

В Музеях Московского Кремля сейчас проходит уникальная выставка, посвящённая XVIII веку в России - «Наследие Петра Великого и дворцовые перевороты». Он, этот грозный, дивный реформатор виноват в том, что Русь-галантная постоянно сотрясалась от криков гвардейцев, приносивших власть на штыках. Пётр считал, что наследование трона – чистая лотерея, и у кормила может оказаться дурачок или враг, а потому надобно издать такой нормативно-правовой акт, при котором император может сам назначить преемника. Всё потому, что царевич Алексей зело разочаровал Петра.

Так возник Указ о престолонаследии 1722 года, отменявший кровнородственные принципы: «В таком же рассуждении, милосердую мы о наших подданных, чтоб и партикулярные их дома не приходили от недостойных наследников в разорение, хотя и учинили мы устав, чтоб недвижимое имение отдавать одному сыну, однако ж отдали то в волю родительскую, которому сыну похотят отдать, усмотри достойного, хотя и меньшему, мимо больших, признавая удобного, который бы не расточил наследства». По иронии судьбы, сам Пётр скончался, не успев подготовить смену.

Так, в 1725 году на престол воссела жена государя – Екатерина I, которую поддержала партия Александра Меншикова и – гвардия. Перед нами – портрет императрицы, которая не отличалась ни красотой, ни грацией, ни тем паче – образованием, зато горячо любила и – была любима. Пётр женился на лифляндской прачке, возведя её на вершины социальной иерархии – тут он перещеголял даже Людовика XIV, сделавшего своей женой мадам де Ментенон, свою давнюю фаворитку. На одной из витрин - Манифест Петра I о коронации Екатерины. Так его дочери от этого брака – Анна и Елизавета становились цесаревнами, что затем повлияло на ход истории. Тут же и корона, которой венчалась Екатерина, ставшая повелительницей огромной державы.

Эта весёлая, пьющая царица правила недолго – всего два года и, умирая в 1727 году, провозгласила наследником Петра, сына царевича Алексея от немецкой принцессы Шарлотты Брауншвейг-Вольфенбюттельской. Вот – портрет мальчика-царя, невероятно тонкого и нежного. Рядом – мундир, принадлежавший юному Петру. После Меншикова, сосланного в Берёзов, у трона очутился клан Долгоруких. Вообще, любая дворцовая перестановка напоминала тектонические сдвиги – вместе с главой государства приходили новые люди, тогда как бывшие временщики попадали в опалу. Но и юному Петру не суждено было править – он скончался в 1730 году от оспы, которая не щадила ни господ, ни холопов.

В Курляндии, считавшейся тогда (впрочем, и сейчас) глухими задворками вселенной, тосковала племянница Петра Великого – вдовствующая герцогиня Анна Иоанновна. Её гравированный портрет можно увидеть среди экспонатов – редкая вещь, тут Анна ещё юна и худосочна. Эту робкую и сговорчивую, как ошибочно казалось сановникам, женщину и было решено призвать на царство. Но с ограничением! Для сего написали Кондиции – первую русскую конституцию. Анна приехала, да и порвала те Кондиции – на одном из стендов представлен текст, разорванный Анной. Наступили времена бироновщины – курляндская вдова завезла Эрнста Бирона, братьев Левенвольде и прочих немцев.

На портретах мы наблюдаем и Анну, ставшую самодержицей, и её любовника. Богаты телом да алчны до пиров. А как хорош коронационный венец, привлекающий всеобщее внимание! Справедливости ради, анненское правление было не таким уж гнусным, как любят показывать романисты – царица не утратила ни одного достижения своего дядюшки. Армия, флот, Академия Наук – всё преумножилось. Больше того, при Анне было положено начало русской опере – под руководством итальянца Франческо Арайя и русскому балету, завезённому французом Жаном-Батистом Ланде. При Анне, как и Петре, наша страна слыла заманчивой для европейцев.

После смерти этой неоднозначной монархини должен был править малолетний император Иоанн Антонович, внучатый племянник Анны. Его мать, Анна Леопольдовна, чей портрет мы также увидим на выставке, выполняла бы роль регентши. Но Фортуна распорядилась иначе – трон заняла богиня амуров Елизавета Петровна, одна из очаровательных дам Европы. Надев мундир и поднявши гвардию, эта круглолицая авантюристка свергла Анну Леопольдовну и воцарилась на долгие двадцать лет. Началось пышное и – благодатное правление дочери Петровой. Чарующий портрет, написанный французом Луи Токе – полнотелая, большеглазая Елизавета смотрит на нас сквозь столетия, и мы понимаем, отчего её считали красавицей.

Рядом – изображение Алексея Разумовского, любовника и как шептались, морганатического супруга императрицы. Чернобровый хлопец высоко взлетел – хохлы, если слушаются русских, достигают невиданных успехов, чем бы ни занимались. Эра Елизаветы – блестяща, как сама государыня. Балы сменялись маскарадами, шло бурное строительство, русская армия вошла в Берлин, был на вершине успеха Михайло Ломоносов.

Но так или иначе всем правил фавор. Вот – золотая, изящная табакерка, одна из примет Галантного столетия. Потребление табака в XVII-XVIII веках считалось признаком здорового образа жизни, как ни дико это звучит. Врачи думали, что вдыхание табачных смесей полезно для организма. Получить в дар коробочку для табака – акт благорасположения, а иногда - любви.

Умерев от неумеренного бытия и питья в 1761 году, Елизавета Петровна оставила трон своему племяннику Петруше и его жене Екатерине. Тот Петруша был сложной натурой – не то глуповат, не то заумен. По любому не годился для России – очень уж любил пруссаков, а потому его легко свергла супруга летом 1762 года. Она и сама была тевтонкой из Цербста, но русский мир считала уже своим.

Как и её предшественница, Екатерина облачилась в мундир одного из полков. Княгиня Дашкова расписала это в своих мемуарах, указав даже имя офицера, чьей формой воспользовалась её коронованная подруга. В экспозиции представлена та самая форма подпоручика Александра Талызина, служившего в лейб-гвардии Семёновского полка. Кроме того, имеется символический портрет Екатерины, созданный Вигилиусом Эриксоном – молодая царица изображена в военном облачении, а волосы её уложены в мужскую причёску.

Золотой век! Присоединение земель, в том числе и нашего Крыма; активное продвижение наук и ремёсел; утверждение на международной арене, как сверхдержавы; развитие русской изящной словесности. И, вместе с тем, фаворитизм. Без него – никуда в осмнадцатом столетии! Вот – портрет братьев Орловых, которые были не только любимчиками царицы, но и видными деятелями. Если не считать череду всяких Зубовых и Васильчиковых, матушка-Екатерина продвигала дельных людей. К слову, фаворитизм – это необязательно «постель». Это – возвышение тех, кто нравится, и кто – исключительно верен.

На одной из выставочных витрин – один из вариантов мундирного платья, выдуманного Екатериной для себя и придворных дам. Она, будучи рациональной, не терпела французских мод – потешных и дорогостоящих, а потому стремилась одеться просто и патриотично. Мундирное платье – знак её личной силы. Ещё царица изобрела русский церемониальный убор с кокошником, ставший обязательным для выходов к послам и различных мероприятий. Этот костюм сохранялся до 1917 года, слегка меняясь сообразно модам. Единственно, когда его не использовали – павловское правление. Павел так жестоко ненавидел свою мать, что запрещал всё, что было с нею связано.

Кстати, о Павле! Он сел на трон безо всяких проволок, хотя сама Екатерина мечтала видеть государем не постылого сыночка, но внука - Александра. Краткое царствование Павла характеризовать очень трудно. Да, незаурядный человек, энергичный, умный - в мать и странный - в отца. Облегчил участь крестьян, поприжал аристократию, проявлял рыцарственность в отношениях с людьми, но оказывался нетерпим ко всякой мелочи, типа «якобинских» шляп. Романтизм сочетался в нём с деспотизмом, а разумность – с непоследовательностью. В экспозиции - портрет государя в парадной форме – он, как и все Романовы, любил мундиры.

Именно Павел покончил с монархической чехардой, издав свой Акт о престолонаследии 1797 года – его также предоставили к просмотру на выставке. Согласно нему восстанавливалась древняя традиция передачи власти от отца – к сыну: «Дабы государство не было без наследников, дабы наследник был назначен всегда законом самим, дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать, дабы сохранить право родов в наследствии, не нарушая права естественного, и избежать затруднений при переходе из рода в род».

Этим Павел хотел оградить монаршую фамилию от эксцессов, но, увы, Александр воцарился после очередного дворцового переворота. Царя-романтика убили его же подданные, а Сашенька вышел к ним со словами: *«Всё при мне будет, как при бабушке»*. По сию пору ведутся споры – был ли он причастен к роковым событиям 1801 года? Знал ли о готовящемся покушении? И да, и нет. Во всяком разе, павловский Акт закрыл саму тему «случайных» наследований, и XIX век в этом смысле прошёл спокойно.

Итак, выставка – информативна и роскошна. Тут и посуда, и личные вещи, и документы, и драгоценности. Полное погружение! Столетие шикарно и жестоко, с маскарадами и казнями, войнами и развлечениями. Кто знает, может и наши дни через двести-триста лет обзовут галантным веком?

Галина Иванкина